

Вера Гончарук. «Пора знакомиться». 6-1990-91

Глава 54. Радостные события и разное...

8 марта ребята поехали к бабушке, знакомиться, поздравить с праздником и пригласить на свадьбу. Видимо, для наших это явилось таким шоком, что они позвонили мне и стали требовать, чтобы мы в ближайший выходной приехали к ним. Пришлось ехать, хотя я заранее знала, что меня ждёт, и в принципе была к этому готова.

Чуть ли не с порога наши дамы пошли в атаку, а Саша, как всегда в таких случаях, вместе с Ладыгиным забрали детей и собаку, и пошли гулять на Москва-реку, подальше от баталии целее будешь.

В ход пошёл весь обычный арсенал, от слёз до злобной ругани, иначе наши не умеют. Мне высказали, что я сумасшедшая, отдаю ребёнка на растерзание отпетой аферистке, которая охмурила нашего мальчика, видимо никому более не сгодилась. И ещё неизвестно от кого она ждёт ребёнка, а я легковерная дура. В общем, ребёнка нужно спасать, вырывать из коварных лап и всё в таком духе. Ну, разве что, не было упомянуто, что она на Москву зарится, а не на нашего мальчика. Да этот аргумент из-под ног выбили, Наташа москвичка и живёт в доме рядом с нами. А главное мама её прямо отсюда родом, когда здесь ещё не Чертаново, а совхоз Красный маяк был. Так что с этой стороны не зацепишь.

Я спокойно по пунктам стала парировать их аргументы. Во-первых, говорю, кто кого соблазнил. То, что Наташа старше Жени вовсе не означает, что опытней, это раз. То, что он бедной пострадавшей от смерти сестры овечкой прикинулся, на жалость надавил, а какого рода у мужиков жалость, сами понимаете, это тоже факт. Ну, а то, что Женя не слушал маминых слов и не предохранялся, тоже неоспоримый факт и исправлять его нужно самому, а я девчонку в обиду не дам.

На это бабушка, поджав губки, выдала известную сентенцию, мол, сучка не захочет кобель не вскочит.

Я возразила:

- Так значит, 15-летняя Нина Ладыгина когда-то соблазнила, а не он её?

На что мать тут же взвилась:

- Ты одно с другим не путай, Нина это другое.

- Ну, да, отвечаю, - мы же особые, из другого теста слепленные... Второе, девочка у родителей одна, взлелеянная и холеная, закончила педагогическое училище, так что по любому не брошенный товар и не залежалый, чтобы на первого попавшего бросаться. Третье говорю, если бы Ладыгин в своё время выразил сомнения - чей у тебя ребёнок, как бы ты себя чувствовала, ты же знала, что ни с кем более не была. Так почему ты, будучи в таком же положении, была скромной, а Наташа обязательно должна быть хищницей, обманщицей и охотницей за мужиками? Вы хоть думайте, что говорите.

В общем, добила их по всем линиям, так, что им и возразить нечего, Нинка ревёт, а аргументов больше нет. Только ладит, что из ранних браков ничего путного не выходит, на что я ей ответила, жизнь покажет, ты то рано замуж выскочила и до сих пор живешь, может и они также. А то, что он рано созрел и на шею себе хомут повесить решил, так в этом и наша вина есть. Не пей Саша, не скандаль мы, глядишь и сын не почувствовал бы себя брошенным.

На этом все их аргументы кончились, и разбор полётов прекратился. И вот ведь что интересно, учить жизни и осуждать другую женщину, чаще всего берутся именно те, кто своей долей не доволен, сам не вполне в согласии с собой и свои недочёты старается обратить в преступления других. Так уж видно бабский характер устроен.

А между тем нужно было заниматься подготовкой к свадьбе. Время-то сами помните, какое было. Уже не только в продуктовых, но и в промтоварах шаром покати. Народ-то часто поговаривать стал всюду, что за чёрт, вроде войны нет, а в стране разруха и голод и недостатки. Так ведь неграмотные все в вопросах экономики, не смыслим, что всё ушло на никому не нужное вооружение, а о жизни не заботились, благоустраивать не стремились, только обещаниями кормили.

Мы обе семьи не из зажиточных, да и цены кусаться начали. Так что на свадьбу в кафе или ресторане губки раскатывать нечего. У них квартира совсем миниатюрная, две комнатухи 8 и 15 метров, коридорчик метр на полтора и кухонка, как у Надежды, 5'4. Не разгуляешься. А гостей насчитали не менее 30. Я и предложила, давайте у нас, если 75 поместилось, то 30-ти просторно покажется, а с танцами тоже устроимся, в средней комнате раздвинем. Так и решили. Стол сообща, какой-никакой сделаем, где наша не пропадала.

Первым долгом о невестинном наряде думать нужно, Жене то костюм сходу приобрели, а ей в салоне ничего не присмотрели, фасоны все отрезные по талии, а у неё, как ни как животик уже не спрячешь, как на барабане смотреться будет.

Вот и поехали втроём, Валя, Наталья и я, вначале на Ленинский в дом ткани. Я искала материю по своей задумке, решила платье шить с высокой кокеткой, по моде Пушкинских времён. Ничего в доме ткани подходящего не нашлось. Либо толстое и грубое, либо аховых расцветок, а белого нет, как нет. Ну, я уже рассказывала, о своей «любви», к походам по магазинам, а дамы мои обе шопингоманки оказались. В каждый магазин им нужно заглянуть, вдруг что попадётся. Я этого выдержать не могла, попусту время тратить, когда дома дети ждут, мне не вмоготу. Я их оставила шастать по Ленинскому, а сама покатила в другие магазины, которые знала. Ни на Вальной, ни на Семёновской ни в ЦУМе, нигде в других местах ничего подходящего.

И совершенно неожиданно нашла там, где не ожидала. На Солянке в тканях для интерьера приглядела подходящий материал. Для верха нейлоновый кружевной, для подкладки белый полупрозрачный, прошитый люрексом шёлк.

В готовом изделии это потом очень здорово смотрелось просверкивая мягко через верхнюю ткань. Заодно приобрела 30 метров капроновой белой ленты и три катушки люрекса серебристого.

Платье Наташа хотела закрытое, не любит она декольтированное, стесняет оно её. И я пошла ей навстречу. Вырез на кокетке заполнила сеткой, по которой пришила цветочки из ткани, получилось очень прилично и скромно. Воротник стоечка, рукав двойной. Нижний узкий длинный с широким манжетом, верхний фонарик, с присборённым нижним краем. Юбка от кокетки шестиклинка в пол. Каждый клин на стыке присборён, получилось, как лепестки цветка. И всё это обшито лентой-бантовкой, по краям обшито люрексом, а на местах сборки пришиты розочки из той же ленты. Получилось элегантно и необычно. Ленту кстати обшивали Наташа с Женей на пару. Так что всех запрягла в работу. А на второй день я для неё сшила гранатового цвета платье, скромного свободного покроя, тоже под ворот стойку, сборённое и расходящееся вниз от ворота, как когда-то себе шила, только с коротким рукавом из жатого батиста. Лёгкое, почти невесомое, она его всю беременность с удовольствием проносила.

Когда Ольга, Динаркина мама увидела свадебное платье, а фату ещё не купили, она воскликнула: «подождите немножко» и унеслась, а через полчаса примчалась и принесла волшебную белую кружевную шляпу. В ней её подруга выходила замуж. Вот, гордо возвестила она - последний штрих к этому платью и никакой фаты не нужно.

Так и вышло, Наталья смотрелась божественно, и потом Ольга рассказывала, что в ЗАГСе Наталья ото всех сильно отличалась, и на неё оглядывались.

В день свадьбы мы всё успели приготовить вовремя, дети возбуждённо крутились у подъезда и потом примчались докладывать мне, что дети едут. Встречать их хлебом солью предстояло мне, Валентина спустилась вместе. В общем, и встретили и прослезились обе мамы, а верёвку соседи натянуть успели и невесту выкупили, всё как положено.

Свидетелем от Наташи была Ольга, в последнюю минуту пришлось её приглашать, лучшую Наташину подружку в роддом рожать увезли. Так вот совпало.

А у Жени друг и по школе и по училищу, давний Олежек, казак потомственный. На свадьбе на кланы ваши наши не делились, быстро перезнакомились, нашли общий язык и расселись, где кому захотелось. Молодые почти скрыты были ото всех обилием цветов, пришлось отставлять.

Свадьба прошла весело и непринуждённо. И попели, и потанцевали и пошутили и поприкалывались беззлобно.

А венцом вечера оказался торт необъятных размеров. Саша расстарался. Он, я говорила, на работе в магазине помогал, а товар получать они по разным точкам ездили, в том числе в кондитерскую, рядом с Елисеевским. Вот там однажды короткое замыкание случилось, нужно было исправлять, чтобы аппараты работали, а электрика ждать нужно. А он же электрик, вызвался помочь и исправил всё. Ему директор на радостях и сказал, если что нужно, всегда приходи. Вот оттуда и торт, ничего без знакомств тогда не доставалось. Торт - огромная поляна цветов с надписью «поздравляем молодых с днём свадьбы». Посередине марципановое ведро, в нём шоколадная бутылка шампанского в натуральную величину, обложенное квадратиками прозрачного мармелада. Я такой торт впервые в жизни видела, да и многие из нас тоже. Все были в восторге. Женя до сих пор помнит этот отцов подарок. Потом молодые пошли гулять всей компанией, взрослые стали разъезжаться, а детишки угомоняться. Второй день свадьбы гуляли уже у Наташи дома. Наши не приехали, устали в первый день. А потом стали ребята жить дома, поначалу в Иришкиной комнате, а потом по мере приближения родов, я предложила устроить их в средней комнате, где можно было расположить и кровать. Так и сделали. Володе теперь досталась Иришкина комната, а Ваня снова был в нашей. Никто не в обиде, всем хватает места.

Одно дело сказки, где закрыл книгу на «...и жили они долго и счастливо!» и пошёл. Другое дело жизнь, здесь встречаются два мира, две вселенные со своим багажом за плечами, своими привычками, своим миропониманием и наступает пора притирания друг к другу, совмещения миров и взаимопроникновение или отторжение. Это, как говорится, строго индивидуально. Но само оно не происходит и во многом зависит от окружения. Когда-то в самом начале нашей с мужем жизни, на издевательства его родных, я сказала ему, если я стану делать то же самое скажи мне только два слова «вспомни себя». Вот и пришло время проверки меня на вшивость.

Я, конечно, сразу замечаю перекосы в Наталье, как нежелание что-то делать, лишний раз выйти из их комнаты, но толкую для себя это её смущением, а отнюдь не ленью или отвращением к нам. И начинаю постепенно приучать её раскрепощаться в отсутствие Жени. Так я, позвав её к завтраку, начинаю говорить о том, о сём, в основном рассказывая смешные или интересные случаи из Жениного детства, и она за смехом и расспросами начинает постепенно привыкать к общению со мной.

Заметив, что она не умеет готовить, просто единственный ребёнок, живший за маминой спиной, и не привлекавшийся мамой к домашним делам, ради одной цели, лишь бы выучилась и выбралась в люди. Я не осуждаю и не порицаю её за это, а стараюсь во время подготовки посадить её опять же на кухне, привлекать, то порезать что-то, то почистить, то украсить и так постепенно заинтересовывая её процессом. В основном она ранее скучала, так как после окончания училища идти работать в школу не хотела, вообще в училище пошла не по призванию а по настоянию матери. Сама Валентина, окончившая в силу травмы головы, полученной от отца-алкоголика, окончила всего шесть классов, и пусть у неё нет законченного образования, но она всю свою жизнь направила на создание условий комфортной жизни для своего ребёнка и сама трудилась не покладая рук на двух работах.

Дочку она не упрекала и не понуждала немедленно трудоустраиваться, надеясь, что та захочет найти себе должное применение.

А там Наташа и забеременела, так что снова не трудоустроилась. Женя ещё тоже доучивался последний год. Вот и вышло, что у нас два взрослых неработающих рта, но они не особо обременяли, по крайней мере, с этой стороны дети от меня упреков не слышали. Главное было помочь им притереться друг к другу и не утратить интереса к жизни, постепенно приучая к быту. Что я и делала ненавязчиво давая, то одно, то другое поручение.

Для более близкого знакомства между родителями, то есть нами старшим поколением, с тем, чтобы не тянуть одеяло на себя, а действовать согласованно, мы стали устраивать совместные прогулки в сквер или в лес на пикник. Ведь общаясь, лучше понимаешь друг друга. И, в конце концов, это ради наших детей.

В мае мне позвонила Лидия Викторовна, с просьбой зайти на почту. Я пошла. Ну и как всегда она начала с того, как хорошо я выгляжу, что, мол, посвежела, помолодела и, кажется, пришла в себя. Я со смехом перебила её «давай уж сразу переходи к делу, понимаю, не просто так звала».

Она сказала, что Ирина Викторовна уволилась, после того, как муж её попросил оставить работу. Во-первых, ездить ей от Нагатинского Затона далеко и неудобно из-за пересадок, во-вторых, он не хочет её исчезновения на весь день.

Ну, это вполне понятно и объяснимо, а от меня-то что нужно? А меня, оказывается, Лида зовёт идти к ней замом. Я ответила, Лидусь, не обижайся, но ещё Ирине я говорила, что просто

помогать всегда, пожалуйста, а взваливать на себя такую ношу ни-ни. Поэтому собственно тебя и сосватала на это место.

Да, я знаю, сказала Лида, ну тогда хотя бы совет, кого мне взять. Валентина слишком высокомерна и, боюсь, испортит отношения с коллективом, а Лиза слишком хитра и изворотлива и любит подсиживать, поэтому я в растерянности. А о Татьяне Анастасенковой ты не думала? Не смотри, что она почтальоном работает. У неё средне-специальное образование. Девочка она хваткая и исполнительная, к тому же без подвоха, прямая и открытая. Да резкая, да взрывная, но по-хорошему и если нужно отлично умеющая поладить с любым человеком.

Лида поблагодарила за совет и так и поступила, направив Татьяну на ускоренные курсы полугодичные. Так Танюшка моя из почтальонов стала с моей лёгкой руки заместителем начальника, а со временем и начальником отделения связи. А Наташенька вживается в нашу семью и скоро мы все замечательно ладим, вот только маленький штрих не даёт мне покоя и я не знаю, как сказать ей поделикатнее, чтобы не обидеть. Ей, конечно, очень нужны витамины и Валентина тарелками таскает ей фрукты. Всё понятно и без претензий. Только я из своих средств не могу позволить того же детям в больших количествах и когда Наталья усаживается на кухне с тарелкой вишни, черешни, винограда или чего-то другого, а дети сидя напротив, провожают в её рот каждую ягодку голодными глазами и давятся слюной, у меня душа с телом расстаётся. Я жду не дождусь времени, когда дети уедут.

Наконец Володя уезжает в лагерь, а Ванечка в Серпухов и я вздыхаю спокойнее. Но видимо каким-то образом Наташа почувствовала, что у меня сменилось настроение, и задала вопрос, что происходило со мной и почему.

На заданный вопрос пришлось отвечать, и я как могла аккуратно объяснила ей, что не нужно поглощать вкусности перед давящимися слюной детьми, лучше съесть в своей комнате, а потом выходить, а так получается, что она тихо издевалась над ними. Я конечно по смыслу передала сейчас, то, что сказала, на самом деле я выражалась аккуратно и деликатнее, мне не хотелось, чтобы она подумала, что я упрекаю её в нехватке средств из-за того, что мы вынуждены кормить ещё и её. И кажется, мне удалось правильно донести мысль, так как она не обиделась и всё правильно поняла. Больше такого никогда не было.

Первое время Наталья не называла меня никак, ловила взгляд и тогда обращалась. С Ольгой, Динариной мамой у нас установилась шуточная форма общения, мы называли друг дружку, она меня мама Вера, я её мама Оля. Нужно было как-то приучать Наталью, хоть к какому-то обращению, преодолевать эту ненормальность и после долгого раздумья я решилась заговорить на эту тему.

Я сказала ей, что надо как-нибудь ко мне обращаться с именем, ведь если я отвернувшись стою, то спиной не вижу, а ей что же ждать стоять, пока я изволю заметить? Это же унижительно для тебя, говорю. Я не требую называть меня мамой, ты сама выбери удобную для себя форму, хоть по имени отчеству, хоть просто по имени но на вы, как удобнее. И тут она вспомнила, как мы с Ольгой обращаемся друг к дружке и сказала: «а можно я тоже буду мама Вера называть». «Да, пожалуйста, главное найти, как взаимодействовать, а не форма обращения. Это вторичное». Так и повелось мама Вера, а внуки потом баба Вера.

Какие ещё события и перемены случились? Умерла Галя Зеленевская, умерла от цирроза печени, допилась, значит. И сразу встал вопрос с устройством Наташи и Максима, так как мать их Ольга всё тот же образ жизни вела, младшему сыну Гали дела до племянников нет. Игорь муженёк её, гуляет, не просыхает и дети фактически голодные и холодные беспризорники, а у нас с Татьяной свои дети, свои мужья пьющие и тянуть чужих детей материально мы не можем. Пришлось нам с ней в собес за помощью обращаться, как быть-то.

Вот служба опеки за Ольгу и взялась. Нет материнства её не лишили, просто оформили детей в интернат, с тем чтобы она их содержание частично оплачивала и навещала, доказала, что матерью быть может, ну и с тем, чтобы дети жилплощади не лишились. Это было как раз краевое время, перед грядущими потом переменами. Ольгу оформили горничной в гостиницу Севастополь, на Каховке и постоянно соцработник её контролировал, да ещё она обязана была проходить лечение в стационаре. Так обустроились эти малыши.

Ольга Динарина мама, замуж вышла, за одноклассника моей Ирины, на четыре года её моложе, но вот ходил он за ней как привязанный и никого ему больше не нужно. Уж она и гнала его, и как только не пыталась отвадить - бесполезно. Настоял на своём Андрей, вышла она за него замуж и, как оказалось, навсегда. Так вот бывает, брыкаемся, и чуть свое счастье не упускаем, хорошо, если оно настойчивое попадается...

А сама Ольга это такой человек, с которым всем легко и светло, где она появляется, там смех не умолкает. Работает она в 1-ой Типографии, начальник отдела, хотя никаких учебных заведений не кончала, кроме школы, но она вроде меня всего своей сметливостью добилась. И трудолюбием огромным.

Да ещё и вроде моей Иришки способна к языкам, английским в совершенстве владеет, немецким и Эстонский выучила, по работе необходимо было. Самое интересное в ней, это её способность материться, причём не грязно, а как-то со вкусом. После пяти минут общения, ты вообще не замечаешь, что она выдаёт матерные тирады, настолько они естественно и кстати в речь вплетены. Когда кто-то пытается сделать ей замечание, не ругайтесь мол, она с милой улыбкой отвечает, малыш, ну что ты, я и не ругаюсь, я на нём разговариваю! И всё, человек полностью обезоружен. Вот такая она Ольга наша, причём грязь её речи абсолютно не липнет к её ребёнку, девочка не матерится совершенно. А с её бабушкой наша жизнь тесно связана, точнее моего Володи. А ещё точнее то, как мы пытались спасти её от смерти. У Володи, как и у меня, обоняние очень острое было, и он тогда ещё не очень мог внятно объяснить, чем ему пахнет. Так, к примеру, если пахло горелым, он говорил, мама плохо пахнет. Поначалу я не понимала, о чём он говорит, а потом однажды приняв хавшись, почувствовала запах дыма и побежала искать по подъезду, от кого. Бегу по лестнице, а она уже дымом затягивается и на шестом гуще всего. Я к дверям, из х двери пахнет. Звоню, никто не открывает, а бабушка полуслепая, никуда не ходит. Значит беда. Стала соседей звать. С седьмого этажа плотник прибежал с топором, дверь отжали, открыли, дыма полно из ванной валит. Открыли, а она там факелом пылает. Набросили одеяло, загасили, скорую вызвали. Быстро приехали, увезли её. Это в 85 году, в начале было. А в больнице она скончалась на второй день. У неё ожог 90% тела был, так что несовместимо с жизнью сказали. А случилось то, что она газовый утюжок разогревала, потом его тряпкой взяла и пошла в ванную, что-то на доске гладить и дверь прикрыла за собой, а то, что тряпка от огня загорелась, сослепу не заметила. Вот сначала занавеска, а потом она и занялись огнём. А стены не успели, Вовин нос тревогу поднял.

С тех самым пор, к его плохо пахнет я прислушивалась сразу и пятерых благодаря ему от большого пожара спасли. Такой вот он был...

Глава 56. Новое в жизни переплетается, хорошее быстро горем сменяется.

В общем, обычно, как у всех, жизнь качели, паденье, успех...

Снова пришла Танюшка Мирзоева с просьбой на два дня приютить её детишек. Муж её возвращается с отсидки, вот она и разменяла квартиру, чтобы не жить с ним в одной и не терпеть более издевательств. Так детишки побудут, пока её перевезут, и обустроит она всё. Нет вопросов, нам это не сложно.

А дети выросли, как Полинка, смуглая и тёмненькая в отца, а Юрочка светленький в мать, а черты лица отцовы. Интересно гены распределяются. Но ребята оба хорошие, Полинка озорная, глазками стреляет, а Юра обстоятельный, серьёзный. Младше сестры, а ведёт себя как старший, защитник растёт.

Квартиру Танюшка выменяла однокомнатную, да и что ещё из двушки выменяешь! А мужу комнату в Бирюлёво, в старой пятиэтажке. А себе с детьми здесь в Чертаново, просто в глубине микрорайона, ближе к лесу, от дороги шумной подальше. Она довольна, я тоже за неё рада.

Таня к концу второго дня уже и забрала детишек. Подруги помогли, всё быстренько сделать. И опять на годы разбежимся, жизнь такая, в каждом доме по кому и всё ускоряется, сильно меняется, некогда отдышаться иной раз.

Вот и мы со дня на день ждём прибавления. Я когда последний раз в роддоме лежала, так там детей уже не пеленали по старинке, а в конвертики упаковывали, ручки наружи, ребёнок не скован. Малышу хорошо и маме удобно. Я тогда внимательно конверт рассмотрела, как он сделан, и дома себе такой же сшила, Ванечку в нём держала и подругам передавала. Вот и сейчас для Наташи такой же изготовила. И шапочку, и носочки, и пинеточки малышу навязала. Накупили всё необходимое, ванночку нам вернули обливную, в общем, всё как положено. Кроватка ждёт, коляска наготове стоит, дело за мамочкой.

Женя работает уже автослесарем, заодно военкомат его направил на водителя обучаться. Он и доволен, платить за обучение не нужно.

Отметили скромно Женино семнадцатилетие 8 сентября, Наташино 20-летие 15 сентября, а 26 сентября, поехала и Наталья в роддом.

Отвезли её в третий роддом, к Очакову ближе. Ехать туда, я вам скажу то ещё приключение. Дорога в одном месте в гору почти отвесно идёт. Автобус внизу часть пассажиров высадил, студенты всё, они пешком быстрее автобуса поднялись, а он натужно воя заползал. Я думала мы с Женей, как горох ссыплемся, нет удержались. Наталью-то скорая утром рано увезла, а мы часов в 12 туда ехали, Женя сначала с ней уезжал, а потом за мной приехал. Очень мне хотелось рядом быть, не вмоготу дома. Да, когда сама рожала, так не переживала, теперь поняла, каково моей матери было. Холл там большой, свободный, а мне тесно. Постоянно на улицу выхожу, брожу вдоль фасада, смотрю на окна, за каким девочка наша, гадаю.

Родила она в 14-40, мальчика 4900 весом и 54 сантиметра ростом. По сравнению с моими - гигант. Порвалась, конечно, слишком крупный плод, но в остальном всё нормально прошло, а я как услышала, расплакалась от радости и облегчения. Палаты там на две мамочки и два детских места, то есть дети с первой минуты рядом с матерью. И это намного лучше, мама видит дитя и не волнуется, а заодно привыкает, так что к выписке Наталью ничему и учить то не нужно было, всё там освоила, и страх за ребёнка взяться её не мучил. Разве что купать показала как, а в остальном она отличная мать оказалась, словно опытная.

Кормит грудью, молочка хватает, животик малышу прихватит, так опыт есть, тёпленькое к животику потуже примотали, газики спустили и он спокоен. Всё как у всех. Отец с матерью на второй день после выписки пришли, посмотреть то хоть можно. Я смеюсь, а почему нельзя, вы свои не сглазите.

Особенно на отца смешно смотреть было, он, словно и не верил, что это его дочка, его солнышко уже на свет дитя произвела, он то её всё маленькой числил, а тут женщина перед ним.

Вроде всё спокойно, с детьми управляемся, с домашними делами справляемся. Мне с почты позвонили, не могу ли месяц ночи подежурить, заменить ночного уходящего в отпуск. Я и согласилась. Всё равно ночами сижу, вяжу допоздна, не всё равно где вязать, дети спокойно себя ведут, вполне можно и подзаработать.

Вот и стала ночи на почте проводить. А там до утра практически делать нечего, только караулить, а утром машины с газетами принять, проверить целостность упаковок и расписаться, всех дел-то. К шести почтальоны уже на местах и ты домой бежишь детей кого в сад, кого в школу проводить.

Вот во время одного дежурства от скуки журнал листаю Техника-Молодёжи и на последней странице натыкаюсь на письмо. Девушка молодая пишет. И так пронзительно, что жить она больше не хочет и не может, нет света в её жизни, и смысла она не видит. И имя внизу «Ира». Меня как ножом по сердцу полоснуло, всё своё, временно спрятанное, наружу плескануло, чуть не захлебнулась. А в голове мысль одна: «спасти, непременно спасти, может ещё беда не случилась, может удастся отворотить». Села и написала письмо в редакцию, с просьбой переслать ей.

Всю боль свою выплеснула, изложила, всю пустоту душевную и горечь от необратимости произошедшего. Может в пустоту послала, а может дойдёт до адресата. Но вот октябрь пролетел, и я опять дома ночую, а там перемены. Наталья измотанная ходит, как муха сонная. Оказывается, она уже неделю ночей не спит, Андрюшка беспокоится. Я днём ей говорю, давай закручивай мне его, пойду с ним гулять на два часа, а ты поспишь пока. Так и сделали. Я с ним два с половиной часа на сквере провела, Вову из школы встретили, домой как раз к кормлению пришли. Наташа хоть чуть-чуть, а отдохнула. А потом вечером слышу, опять он капризничает, я ей говорю, давай его ко мне, посижу с ним, тебе до конца выспаться нужно, в себя прийти. И забрала. Ночь с ним друг на друга тарасились, кричать я ему не давала, тетёхала, ну да не привыкать. А потом и Наташа отдохнула, и он успокоился, больше не бутетенил. Видимо усталость от одного другому передавалась, он и вёл себя беспокойно. А стала мать спокойной, молоко лучше стало, и ребёнок угомонился.

Наташа с ним много занималась, физкультурой, массажем, он креп быстро и весёлый был. Стал всех узнавать, радоваться. А Женя вовсе на него глядя светился, как солнышко.

Вроде живём спокойно, за исключением Саши. Он дома всё реже появляется, всё чаще на работе в подвале пьяным ночует. Но я стараюсь держаться, хотя иногда уже срываться начинаю, всё-таки страх и напряжение в душе нарастают.

А тут, как гром среди ясного неба 1 декабря прозвучал, умерла Нина. Пошла в магазин, покупать молоко, чек пробила, подошла получать, протянула продавщице и рухнула замертво. Тромб оборвался, мгновенная смерть. Все домашние дела по боку, детей на Наташу оставила, ну не маленькие уже и мать её поможет, а сама в Марьино. Там помощь нужна.

Два дня крутилась с готовкой с матерью, она сдала сильно, заговаривается. Ладыгин пнём сидит, Мишечка всюду носится, место ищет поближе на кладбище, а ему дальние предлагают. Я ему села и написала заявление от имени матери, мол, я старая немощная женщина,

заслуженный ветеран труда, прошу выделить место на Щербинском кладбище ввиду того, что посещать дочь на далёком кладбище мне тяжело, ну и всё в таком духе.

- Ехай - говорю - в Центральное бюро. Поехал и всё получилось, дали.

А у нас уже и Иришка там похоронена и родители Иринины, так что все в одном месте всё же лучше, чем по всей Москве разъезжать. Причём в чём смысл я не понимаю, но зачастую кладбища выделяют у чёрта на рогах от твоего жилья, словно в издёвку. Нам повезло, нас агент при оформлении пожалел, оттого и рядом выделили, а так на Юго-Западную изначально намечали. А Иринины родители из Тушино, а кладбище им Щербинское выделили. Точно ведь издёвка над людьми.

Но для нас лучше вот вышло. На третий день поехали все хоронить, а я дома с матерью осталась, она отчего-то вдруг упёрлась, что не поедет хоронить и всё тут. Никто ничего понять не может, а она на всех чуть не с кулаками. Вот я с ней и осталась. Сидим, всё готово, только ждать их возвращения. На кухне сидим, а мать говорит, говорит, на Нину жалуется, вот ведь сволочь какая, кошельком в меня швырнула и ещё что-то. Я говорю, мам опомнись, Нины нет больше, на кого ты злишься. Она словно в себя пришла, заплакала, а потом снова взгляд колючий, отрешённый и снова жалобы на дочь. Не поняла я тогда, что у неё уже отклонения начались давно, думала это сейчас, от горя. А ведь Нина мне на неё последнее время много жаловалась, на странности, но я думала, ссорятся и друг дружку оговаривают.

Похоронили Нину, помянули, разъезжаться стали. Я понимаю, что нужно мать домой брать, здесь-то она никто и ничто, чужая, а как? Уговариваю её, а она ни в какую, я здесь живу, здесь и останусь. Саша на похоронах был, слава Богу, но и он убедить её не мог. Так одни и уехали, но понимаем, что брать всё одно придётся. Ладыгин долго её терпеть не будет.

А Саша говорит, значит решать нужно, как размещаться будем. Да как, говорю, Володю к себе заберём, вчетвером опять в большой комнате будем, а матери маленькую обустроим, что ей одной в средней делать, а ребятам втроём, где ютиться. Так и сделали. Приготовили ей комнату заранее, а после Новогодних праздником, третьего января 91 года, Ладыгин её и привёз, мол, принимайте свой скандал, я наелся. А она злая и больная совсем, а через три дня после переезда скорую вызывать пришлось, у неё инсульт приключился. Слегла она, и прибавилось у меня хлопот, выхаживать её нужно, а у неё и простуда вдобавок к инсульту. Правда хорошо, что это микроинсульт оказался, так что подняла я её на ноги в итоге. А то время, что она лежащая была, она ж для меня неподъёмная в ней весу 81 кг, а во мне 56, но я управлялась. Поставлю её на свою ногу и так скользя везу её на ноге до туалета. Потом обратно. Измучалась, а после сообразила. Взяла стул, вырезала сиденье, обшила его дополнительно сверху дерматином, снизу ведро. Вот и высаживаю её. Высадить оно легче, чем волоком таскать. Три месяца поднимала и подняла. А Саша с первого дня, как её привезли, вообще дома появляться перестал, ретировался. От силы раз или два в месяц домой явится. Такая вот полоса жизненная пошла.

В январе, как раз когда слегла Сашина мама, пришло письмо от Иры, той самой девушки из Горького, позднее Нижнего Новгорода, на чьё письмо в Технику Молодёжи я среагировала так остро. И у нас завязалась переписка, а впоследствии в марте она приехала ко мне. Девушка из очень хорошей семьи с любящими и оберегающими её родителями, но как часто это бывает у нас, в семьях с поздним ребёнком, к тому же единственным, утратившим меж собой понимание, на почве излишней опеки и зачастую страха друг перед другом, когда родители вместо того, чтобы открываться перед своим ребёнком, закрываются перед ним, словно стыдясь себя, а ребёнок боится идти к ним со своими бедами, считая, что его не поймут.

Именно это случилось у них. Девочке дали образование, но строжили в других вопросах и она чувствовала себя ущербной в сравнении с более раскрепощёнными и продвинутыми подружками, не встречая понимания своих страхов и опасений у родителей. Она работала учителем в школе, но в силу замкнутости в одном коллективе и неумении знакомиться с людьми, строить с ними отношения, решила, что она никому неинтересна, к тому же обладая сильной наследственной близорукостью, винила родителей даже в том, что они её произвели на свет. Отсюда и депрессивное состояние, и нежелание жить прозябая. Одной работы ей не хватало, для полного осознания своей нужности и востребованности в жизни, а круг родителей с престарелыми друзьями и более никакого общения, не предполагал изменений личного плана. И знакомится кое-как и кое с кем она боялась. А решив знакомиться по переписке, не могла определиться, что за человек ей пишет. И вот мы стали с ней переписываться, а я осторожно помогать ей, прежде всего, не винить, а научиться понимать своих родителей и наладить с ними отношения, а уже потом, объясняя ей, как не нарваться в переписке на ловца приключений и на что обращать внимание.

Она настолько доверилась мне, что переслала два письма от претендентов, с тем, чтобы я высказала своё мнение. Претенденты: один капитан из Владивостока, весьма легкомысленный и развязный тип, где чувствовалось, что ему только поразвлекаться от скуки. Второе письмо сдержанное, скупое на слова, но достаточно информативное от лесничего из Брянска.

Я посоветовала ей списаться со вторым человеком и предложить ему встретиться для очного знакомства на нейтральной территории, хотя бы и в Москве. Обоим будет неплохо посмотреть город и заодно получше узнать друг друга, а потом решать - нужны и подходят ли они друг другу, вот так и случилось, что в марте Ирина, следуя моему совету, приехала в Москву для встречи с Сергеем. Расскажу сразу, чтобы не возвращаться к этому потом. Три дня они провели в Москве гуляя, осматривая музеи, побывав в театре. У них нашлось много общих интересов, они подходили друг другу по темпераменту, побывали оба у меня, познакомились. Потом три месяца переписки и ещё две встречи, а летом свадьба в Горьком и переезд Сергея туда же. Потом ему дадут жильё и работу под Горьким, у них будет свой дом, а у неё работа в местной школе. С родителями сложатся отношения чудесно, за что её мама потом искренне меня поблагодарит и пришлёт в подарок любовно собранные ею стихи Высоцкого, в собственной подборке, чему я буду очень рада. У Иры с Серёжей родится дочка, и она будет слать фото и письма вплоть до 2004 года, когда жизнь закружит и меня и её, и мы потеряем связь. Но главное было сделано, человек не ушёл из жизни, а наоборот зажил со смыслом, а более ничего не нужно.

Тем временем быт наш всё утяжелялся. С самого начала, чтобы не лишать детей самостоятельности мы обговорили вопрос питания, тогда они и сказали, что хотят питаться вместе. Единственным условием с моей стороны, было, что одну треть зарплаты они отдают на питание в общий котёл, а две трети на их личные нужды. Думаю, я не зависила планку и трезво оценила вклад в общий котёл. Не отбирать же всё, им же нужно учиться управлять расходами, учиться самостоятельности.

Я слишком хорошо помнила свою невозможность купить себе что-либо из-за неимения денег, которые отбирались целиком.

Теперь тоже было трудно приобрести себе что либо, но уже по причине того, что постоянно требовалось покупать одежду и особенно обувь детям, кормить всех, а продукты не только пропадали с прилавков, но и постепенно дорожали. Так что в скором времени, я снова забыла, что значит приобрести обновку для себя и довольствовалась тем, что имею. В этом плане моему мужу сильно повезло, жена попала не требовательная к роскоши или обновам.

А ртов напротив всё прибавлялось. Саша отдавал зарплату не всегда, поэтому мне приходилось вкалывать вязанием вдвойне. Теперь уже я вязала не шапки и шарфы, как вначале, а свитера. И ухитрялась за месяц вывязывать восемь-девять штук, что мало кому удавалось. Но когда нужно, стараешься изо всех сил.

Свитера из ровницы, на крупных спицах, с рисунком, двухцветные. Половина пряжи овечьей, половина козьей.

А у Саши к тому времени шли постоянные задержки по зарплате по два-три месяца, а деньги за приработок в магазине он все пропивал. Наташин отец, как оказалось тоже пил и тоже запоями, но в отличие от нашего, он никогда не касался зарплатных денег, эти нёс в дом все до копейки, а пил только на халтуру. Он был хорошим слесарем-сантехником, по установке оборудования, поэтому был очень востребован и имел хороший левый доход. В пьяном состоянии, он в отличие от нашего, не впадал в раздражённо-агрессивное состояние, а крался тихонько к постели, чтобы не нервировать жену, со словами, я спать, спать. Она бывало в сердцах его и тряпкой хлестнёт, на что он только улыбался и отвечал, я поплю Валюш, извини. Вот так суровый и требовательный в трезвом состоянии он превращался в свою противоположность пьяным, наш тоже, только наоборот, трезвый милейший человек, а пьяный злобный и нетерпимый.

С этим уже пришлось столкнуться и Наталье, и это её напрягало, а меня заставляло испытывать перед ней неловкость и вину, словно я была виновна в его поведении. Пенсия матери в 93 рубля, не явилась для нас подспорьем, так как с первого дня за ней приезжал внук, Мишечка, резонно заявив, что Саша сын, он должен кормить мать. О том, что Саша практически не кормит своих детей, он не думал. Обязан и всё. Так, мол, распорядилась бабушка. Я не спорила, иногда бывало, что сама практически сидела на хлебе и воде, маленькие дети ещё ничего не смыслили, а старшим отговаривалась, что наелась, пока пробовала. Так что нечему удивляться, что недоедание, недосыпание, напряженный уход за больной женщиной, постоянное ожидание прихода или не прихода мужа, не сказывались благоприятно ни на моём характере, ни на самочувствии и постепенно внутри нарастало раздражение и недовольство, которые искали выход. Я старалась сдерживать их, но иногда это кончалось криком на расшалившихся детей или даже шлепками. Шлёпала я их своей сумкой, плашмя по попе, и они просто возненавидели эту зелёную сумку. Каждый раз после такого взрыва я рыдала в ванной от бессилия и злости на себя самоё, но срывы повторялись периодически. То дети порвут расшалившись обои, то распотрошат подушки, то разобьют что-либо, швыряясь друг в дружку подушками, а у меня нет сил спокойно их остановить и я срываюсь. Плохо жить в постоянном напряжении, тревоге, нехватках и ожидании новых передряг.

В апреле приехал освободившийся из тюрьмы брат. И снова не один, а с молоденькой девушкой, очень милой и весёлой. Это была очередная его невеста Инна. Я пробовала осторожно поговорить с ней, объясняя ей, что за подарок мой брат и что её может ждать с ним, но она, как и все предыдущие была просто очарована и ослеплена им, а значит глуха ко всем предупреждениям. К тому же она была из многодетной, но бедной и пьющей семьи, откуда надеялась вырваться посредством замужества. Знакомая картина ещё по собственному примеру и я поняла, что все мои внушения и предупреждения пройдут всуе и отступила. Они поженятся, а через полгода он сядет. Всё выйдет, как я и предупреждала. Только теперь он сядет на 6 лет.

А она прождёт его полсрока, потом встретит настоящего парня, разойдётся с братом и создаст хорошую, полноценную семью. Мы с ней останемся в дружеских отношениях, и она будет воспринимать меня, как маму.

Бабушка наша поднялась уже к концу апреля, выходила я её и кажется на свою голову, так как бабушка сразу стала усиленно следить за нашей с Наташей нравственностью, ей пришло в голову, что мы изменяем своим мужьям. Часто по ночам она стала врывать в наши комнаты и искать под кроватями спрятавшихся мужчин. При этом, то что она будит и пугает детей, её не волновало. А я пока ещё не понимала, что у неё начался старческий маразм. Я ранее ни у кого его не наблюдала воочию, поэтому мне думалось, что она сознательно хулиганит. Так что подняла бабушку на ноги я на собственную голову. Вот именно этим летом, после того, как дети вернулись с отдыха из Серпухова и лагеря, и случился тот самый пресловутый Путч. Можно представить в каком итак взволнованном и беспокойном состоянии находилась я тогда. К тому же и заболевшая очередным бронхитом, с которым я даже вылежаться толком не могла. Естественно, как ни рвалась я к Белому дому, как ни хотела быть со всеми, не могла этого сделать в силу нездоровья и невозможности оставить детей на старуху и Наташу с ребёнком. Слушала радио, смотрела телевизор, металась по квартире. Слушала идущие по Варшавке, не видимые за домами танки и плакала и делала сумбурные записи в тетради. И испытывала смешанные чувства страха и надежды нам лучшее. После гибели трёх человек, после страшной последней ночи, после перелома, когда всё стало ясно, победили. После прилёта четы Горбачёвых и всего, что наблюдала вся страна была полная эйфория, надежда на новую жизнь. Стыдно было идти к победившему Белому дому, ведь тебя не было среди защитников, но сердце пело от гордости за сопричастность. Ведь когда в 89 мы были на митинге у Белого дома, а ранее на Манежке, я помнила то единение, то чувство локтя и открытость, и чистоту лиц. А то, что будет потом, то, что все наши ожидания окажутся химерой, то, что всё переиначат и растопчут в голову не приходило. И того что это практически случилось только в столице, а глубинкой не было не принято не востребовано мы тоже тогда не знали. Мы думали, что это порыв всей страны...

Глава 58. Круговерть нашей жизни продолжается.

Как раз в этом же августе, вдобавок к жарким событиям в стране произошла первая баталия в семье. Ну не так чтобы баталия, но весьма болезненное для меня событие. Как раз только пришло письмо от Ирины со свадебными фотографиями и подробным описанием их обустройства, как мои дети выкинули фортель.

Наверное, всё нарастающая дома напряжённость, с бабушкиными ночными бдениями, редкими, но меткими пьяными явлениями отца, моими бессильными криками, вспышками по любому незначительному поводу, явились катализатором того, что в итоге прорвалось. К тому же Наташа, как я потом узнала, была беременна вторым ребёнком, но так как это была девочка, то живота заметно не было долго.

Вечером во время просмотра обычного в то время сериала, не помню уже какого мексиканского, но все они были построены по одному принципу полчаса тягостных рассуждений и одно два действия, поэтому меня они не интересовали, а Наташа смотрела, наверное, просто ради отвлечения.

Я подошла к ним и попросила переключить на спокойной ночи для детей. И тут вдруг Наташа вспылила, что дети могут один раз и без спокойной ночи малыши обойтись и вообще им с Женей

лучше будет уйти жить к ней, так как там ей никто не будет препятствовать ни в чём. Я попробовала смягчить ситуацию, сказав, что 15 минут детской передачи не испортят сериала, так как там ничего за это время не произойдёт кроме нудного монолога об одном и том же. Но получилось, что подлила масла в огонь, это для тебя не произойдёт, так как ты не смотришь и вообще одни дети тебе важнее других. Тут уже я вспыхнула, вот подрастёт твой, я посмотрю, чьи интересы будут для тебя важнее, а пока, не нравится, не держу, решили уходить, пожалуйста, дорога открыта. И ушла на кухню, а Наталья немедленно похватила кое-какие вещи, Андрюшку и, сказав Жене: «мы идём домой, а ты решай» двинулась к дверям. Он естественно пошёл с ней. Они ушли, а я разревелась: «Господи, что это с нами, и что с ней? Откуда эта злость и раздражение на детей, почему из-за ерунды Наталья перечеркнула всё хорошее, что у нас было?»

На следующий день, после работы Женя пришёл забирать кровать и ванночку, через день ещё что-то. И каждый раз молча, надув губы не глядя на меня и не желая даже поздороваться.

Было ощущение, что он ходит немым укором мне, словно ожидая, что я сейчас кинусь в ноги и начну умолять их вернуться. Целями днями, занимаясь делами, хлопоча по хозяйству, я непрестанно думала об их выходке и не могла понять: в чём моя вина. И при этом непрестанно плакала, натываясь на вещи Андрея. Я забыла рассказать, что ещё зимой Женя купил собаку, маленькую колли, за это время она подросла и очень сильно привязалась не к Жене, а к нам с Сашей. Так что у нас был ещё один хвостатый жилец, который тоже требовал внимания и который тоже тосковал по-своему из-за размолвки. Она постоянно скулила, стоя возле двери их опустевшей комнаты. Собака привыкла к Андрюшке и сейчас чувствуя запах его вещей, но, не видя самого, плакала.

Всё это добило меня, и у меня произошёл натуральный нервный срыв. Похватав сумки, я принялась запихивать в них их вещи, все до единой, собирая их отовсюду, а потом, еле сдерживая слёзы, позвонила и ультимативно приказала сыну прийти и забрать остальное барахло, или я просто выставлю его на лестницу. Сил моих более не было терпеть это тихое издевательство, это хождение взад вперёд, с целью надавить на меня. Это получилось зло, но радикально, я словно рвала по живому, потому что мне надоели медленные косметические надрезы по моим нервам и душе.

Сын пришёл за вещами, а я специально ушла на балкон, чтобы не говорить с ним, и чтобы он не видел, насколько я измучена и зарёвана. Пусть лучше думает, что я зла и спокойна. Так ему будет легче и не придётся рваться меж двух любимых существ. Так тогда думала я, а сын понял всё буквально, он решил, что матери не нужен. Вторую Наташину беременность они, оказывается, скрывали от меня, боясь скандала с моей стороны, что вот, мол, у нас итак ртов полно, а тут ещё лишний рот. А вышло по-иному, скандал ждал их там дома. Отец вспыхнул, что дочь беременна вторично и мать встала на его сторону. Они требовали, чтобы Наташа сделала аборт, пока она не сказала им, что сроки большие. Тогда только они отступились, но трения между ними не утихали по любому поводу. Скорее всего, это было психологическое, отдал дочь замуж и вроде снял с себя ответственность, а теперь она пришла, да не одна, а с приплодом и стала помехой. В общем, и тут плохо и там не слава Богу, но сами кашу заварили, сами начали хлебать. А Саша, как ни странно это прозвучит, неожиданно стал опять ночевать дома и приходиться с работы домой, а не оставаться там. Получалось, что присутствие большого количества народа в доме ему мешало, а остались только мы и он вернулся.

Вера как раз в это время, в эту осень получила квартиру во вновь построенном доме на Чертановской 45, это было буквально в двух остановках от нас. Квартиру им дали громадную четырёхкомнатную, все комнаты отдельные и кухня 15 метровая. То есть новой планировки, казалось бы, жить и радоваться. А вышло наоборот. Пошли ссоры и измены, причём с обеих сторон, словно в пику друг дружке. Видимо, время неустроенности в стране, всеобщего раздрая

каким-то образом влияло и на состояние семейных отношений. Нехватки, невозможность жить нормально, неуверенность в завтрашнем дне порождали трагедии.

Сергей, Верин муж, ещё в бытность ремонта, который помогал мне делать, углядел у меня старинную шкатулку 18 века, которую делал прадед, и которую бережно передавали из поколения в поколение старшей дочери, при её замужестве. Так что от бабушки она перешла к маме, от мамы ко мне, когда я уезжала из Серпухова. А мне оказалось некому её передавать, моя дочь погибла. Может по этой причине я и утратила шкатулку. Сергей, когда они стали проживать в Москве связался с диггерами и стал одним из них. Они лазали под землёй Москвы, по заброшенным ходам, пещерам, отводам канализации, туннелям метро и находили там множество весьма интересных вещей. Не все из них они спешили сдать Государству и у него накопилась большая коллекция, в которой были и старинные монеты и старинное оружие, весьма внушительный меч с деревянной резной, украшенной драгоценными камнями и грубо кованым лезвием, тем не менее, весьма опасным. Были ножи, утварь, части луков, арбалет и прочие вещи. Среди них и украшения, в сравнении с современными, конечно, весьма грубоватые и примитивные, но очень старинные и тем ценные.

Так что увиденная шкатулка привела его в восторг. Шкатулка из разных пород дерева, резная, наборная. На крышке две птицы, напоминающие клювами орлов, а телом скорее голубей. Между ними сфера, украшенная резными цветами, гирляндой опоясывающими сферу. По углам розочки. По краю идёт наборная цветная, из-за разных пород дерева оторочка. На стенах шкатулки перевитый вензелями герб. Скорее всего, прадедушкиного рода Эш.

Он повторялся на всех четырёх сторонах шкатулки. Внутри всё отделано красным бархатом. Множество ящичков, потайная шторка посередине, а за шторкой в глубине за ящичками выдвижными ещё два поперечных ящичка, если не знать, не найдёшь сразу. И ещё верх вынимался, хотя никаких зазоров на взгляд увидеть было нельзя и там под ним было второе дно, расстоянием три сантиметра. Вполне пригодное для хранения важных бумаг. К тому времени видимо от смены температурных режимов, лак на шкатулки трескался, а наборные планочки стали отлетать. Сергей и предложил мне отреставрировать шкатулку, у него, мол, есть связи и я доверилась ему. Как оказалось потом зря. Пропал и он, и моя вещь.

Так я по собственной глупости отдала дорогую бабушкину память, но так видимо было суждено, раз некому передавать, то и не владеть тебе более. А пока я всё ещё ждала реставрации и не знала, что будет потом.

В это время начались перемены и в стране. Неожиданно наполнились магазины, но товар в них в основном оказался не по карману. Потом появились сначала стихийные рынки и торговые ряды возле метро и кинотеатра. Они состояли из разномастных контейнеров, хлипких палаток и прочего. В них засверкали импортные обёртки и разнообразные невиданные ранее сладости. У детей разбегались глаза, а у родителей ветер гулял в карманах.

Казалось, что вся страна разделилась на торгующих и глазеющих на товар, а покупали тогда мало и осторожно. Вот когда пришлось по-настоящему туго, когда ты видишь, да зуб неймёт, а детям хочется.

Всем раздали ваучеры, уверяя, что это наша доля в собственности страны, и мы теперь можем ею распорядиться, а как не объяснили и они лежали мертвым грузом, а отовсюду неслись голоса зазывал, несите свои ваучеры к нам. Вот такая жизнь пришла, лихая и бестолковая. Можно стало менять деньги на валюту, но у нас отродясь копейка в кармане не заваливалась, всё уходило на нужды, а значит, и менять нечего. Саша лишился работы, его предприятие оборонки закрылось, и теперь нужно было искать место. Точнее оно не закрылось полностью, а сократило количество рабочих очень резко на две трети, оставив самых необходимых. А так как он к тому времени пил, то из числа необходимых выбыл. И теперь мы жили только на мой заработок. А ему

это было по самолюбию. Получалось итак, что последние годы я зарабатывала больше него, а теперь и вовсе стала кормильцем. На этой почве он всё время недовольный цеплялся ко мне, и возникали ссоры.

Наступила чёрная полоса нашей жизни...

